

На третий день после церемонии перезахоронения Ци Хань собрал их вещи и перевёз в новый дом.

— Это та самая вилла на серпантине? — спросил Фу Гэ.

Ци Хань сжал его щёку, прищурившись:

— Думаю, брату она не по душе.

Когда они только встретились, Фу Гэ ничего не помнил. Он жил там, как ручная канарейка — то терзаемый кошмарами, то забытый, словно ненужная игрушка. Теперь, оглядываясь назад, он не мог вспомнить ни единого радостного момента.

— Хорошо, что ты понимаешь. Если туда, то сам и живи.

— Да ты что, я один — сразу помру.

Машина шла в незнакомом направлении, ветер заигрывал с цветами, подхватывая белый лепесток и швыряя его в приоткрытое окно. Лепесток лёг прямо на нос маленького Дзюэ.

— Папа! Нос пропал!

Фу Гэ рассмеялся, осторожно снял цветок, приподнял голову, глядя за окно: по обе стороны дороги раскинулась снежно-белая цветущая роща.

— Боярышник... Точно такой же, как у нас в школьном дворе. Ты их посадил?

— Угу. Нравится? — Ци Хань коснулся лепестком его волос, а затем, чуть склонившись, коснулся губами лба. — Его цветочный символ — защита единственной любви.

Фу Гэ покраснел, прикрыл ладонью глаза Дзюэ, быстро-быстро, словно крадучись, коснулся губами губ Ци Ханя.

— Вот. Награда вручена.

В глазах Ци Ханя вспыхнул дьявольский огонь, такой, что, кажется, если бы у него был хвост, он бы тут же замахал им от восторга. Он наклонился ближе, касаясь губами его уха:

— Сегодня ночью я хочу с тобой... снаружи.

Фу Гэ моргнул.

— Что?

Ци Хань улыбнулся, без стыда и совести:

— Хочу тебя прямо под открытым небом.

— ...! Да чтоб тебя! — Фу Гэ треснул его лбом в плечо. — Придержи язык, тут ребёнок!

Ци Хань пожал плечами, кривясь в нарочитой невинности. Его пальцы лениво скользнули по уголку губ Фу Гэ.

— Тогда так. Сегодня ночью ты повторишь мне всё, чему я тебя научил. Десять раз.

Фу Гэ зарычал, вцепился зубами в его палец.

— Бесстыдник.

— Сто раз.

— ...Ты!

— Я что?

Фу Гэ сжал губы, отвернулся.

Больной ублюдок...

За окном проплывали боярышниковые рощи, пока наконец машина не замерла у ворот.

Ци Хань открыл дверь, и Фу Гэ, выходя, поднял голову... и замер.

Перед ним высилась огромная усадьба. За массивными воротами, будто разлившееся море, тянулись во все стороны лиловые волны лаванды, уходя в закатное золото горизонта.

Ветер трепал цветы, и казалось, что они переливаются в лучах заходящего солнца, словно мерцающая фиолетовая река.

А в самом её центре белели, точно капли молока, несколько домов.

Главное здание — четырёхэтажный особняк. По бокам к нему примыкали стеклянные павильоны-оранжереи, где, должно быть, в утреннем свете расцветали акварельные краски.

А справа... Величественная фигура древнего баньяна, его раскидистые ветви простирались так широко, что одна из них послужила основой для подвесных качелей. Небольшое гнездо в их переплетении покачивалось на вечернем ветру, точно колыбель забытых снов.

За главным зданием, словно разграничивая владения, расстилалось второе море цветов — нежно-персиковые, тёплые, насыщенные оттенки роз Джульетты. Их мягкий, свежий цвет тянулся вплоть до самого горизонта, где касался золотого лезвия закатного солнца.

Вдалеке, на краю полей, возвышались несколько белых ветряных мельниц, их тонкие лопасти неспешно прорезали оранжевое небо, разделяя его на четыре размытых сегмента.

Это был сон, ставший явью.

Прованс, который обожал каждый художник мира, был перенесён сюда, к его ногам.

Фу Гэ на мгновение забыл, как дышать. Сердце гулко стучало в груди, разгоняя по венам тёплую дрожь.

— Это... прекрасно. Как картина...

Ци Хань обнял его со спины, его голос звучал низко, почти интимно:

— Помнишь, я говорил, что, когда вырасту, поселю своего маленького художника в самом романтическом месте мира? Разбросаю цветы по его порогу? Кажется, у меня получилось.

Фу Гэ несколько секунд просто стоял, осознавая сказанное, затем хрипло выдохнул:

— Ты... до сих пор помнишь это?

— Как я мог забыть? — Ци Хань закрыл глаза, его губы тронула тень улыбки.

Он взял за руку его и маленького Дзюэ, повёл к массивным воротам. По обе стороны от них возвышались каменные колонны, а на одной из них висела табличка с названием усадьбы.

Фу Гэ поддел её пальцами, развернул, и, чуть запнувшись, прочитал вслух:

— Rosamond...

— «Розамунда», — негромко перевёл Ци Хань. — На немецком это «розовая луна».

Фу Гэ резко вдохнул. Его глаза сверкнули, влажные, полные тихого трепета. Он приподнялся на цыпочки, чмокнул его в щёку, прошептал:

— Что же делать? Мистер Медвежонок вдруг стал таким романтичным... Я даже за тобой не попеваю.

Ци Хань мягко усмехнулся, глядя на него с тёплой насмешкой:

— Не нужно попевать. Просто оставайся рядом. Это уже самое большое чудо.

Создание этого места заняло не один день. Каждая деталь — от крошечных гальки на тропинках до бревенчатых домиков, укрытых в лавандовых полях, — была выточена с предельной внимательностью.

Оказывается, если любишь кого-то до безумия, можно заглянуть ему в самое сердце.

Они потеряли ту свадьбу, о которой грезили в восемнадцать. Но в двадцать три Ци Хань сдержал обещание — и подарил ему дом.

Фу Гэ обнял его, крепко, благодарно.

— Ахань... Спасибо. Мне здесь... правда очень нравится.

Ци Хань усмехнулся, наклонился, большим пальцем смахнул невольно скатившуюся слезу:

— Дурачок. Чего ревёшь?

А потом без церемоний подхватил его на руки.

— Всё, сынок, пошли домой!

— Домой! — радостно откликнулся маленький Дзюэ, резво побежал за ними... и с треском шлёпнулся носом в траву.

Фу Гэ всплеснул руками, подавляя смех.

Далеко в западной части двора тянулся ряд гаражей, где стояли машины Ци Ханя. Среди них затесался маленький красный карт, достаточно лёгкий, чтобы крохотные ножки Дзюэ могли без усилий толкать его вперёд.

Малыш носился среди лавандовых зарослей, упоённо гоня на своей «машине», пока, наконец, не свернул куда-то не туда... и заблудился.

Вырулив на дорожку, он тут же столкнулся взглядом с другим ребёнком — тот стоял, держа в руках тарелку с печеньем.

На нём был тёплый красный свитер, на макушке смешно сидела зелёная вязаная шапочка, а круглые, блестящие глаза, полные любопытства, напоминали спелый томат.

Дзюэ тут же перешёл на шёпот:

— Ты... кто?

Малыш в красном задумался, а потом совершенно серьёзно ответил:

— Я ребёнок.

— Я тоже ребёнок!

На крыльце, чуть в стороне, молодая пара беседовала с Ци Ханем и Фу Гэ. Женщина, заметив малыша, поманила его рукой:

— Крошка, иди сюда.

— Иду, мам!

Томатик вприпрыжку подбежал к ней, но, едва увидев Фу Гэ, вдруг застыл.

А потом его глаза широко распахнулись, он указал на него пальцем и радостно завопил:

— Жена! Это правда ты?!

Малыш с разбега шмякнулся прямо в объятия Фу Гэ. Тот подхватил его, рассмеялся, чмокнул в щёку.

— Эй, маленький! Давно не виделись.

Этот “томатный малыш” был тем самым ребёнком, с которым Фу Гэ подружился в госпитале Святого Дэ — они вместе рисовали, пока лежали в палатах. После выписки он часто вспоминал его, но и представить не мог, что дом мальчика находится так близко — прямо в одном из особняков у подножия Розамунды.

Ци Хань, не торопясь, проводил первых гостей в главный особняк, а маленький Дзюэ уже уволок своего нового друга в сад.

— Слушай, а почему ты называешь моего папу “жена”?

Малыш округлил глаза, как будто вопрос его удивил.

— А что? Он же моя жена!

— Неправда! Папа — это жена большого папы! Если ты будешь так говорить, большой папа рассердится.

— Правда?

— Правда-правда! Мой дядя говорит, что в прошлой жизни большой папа был бочкой с квашеной капустой, такой кислый, что просто жуть!

Глаза у малыша тут же расширились. Он вспомнил, как в больнице Ци Хань пригрозил, что если он ещё раз назовёт Фу Гэ “женой”, то просто возьмёт и его съест.

Томатик ахнул, прижал ладошки к груди:

— Если он опять закиснет... он что, начнёт есть детей?!

Дзюэ задумался, потом пожал плечами:

— Не знаю. Пока я ещё цел. Но лучше не зли его.

— О...

Малыш расстроился, грустно улёгся на траву, вздохнул.

— И кого же мне теперь называть “женой”...

Дзюэ тут же вскинул руку:

— Меня! Ты такой милый, я тебе в самый раз подойду!

Но малыш сморщил носик и что-то пробормотал себе под нос:

— Ты и говорить-то не умеешь... я не хочу.

Дзюэ, едва вернувшийся из-за границы, разговаривал по-китайски как попало, но уверенности в себе ему было не занимать:

— Так ты можешь меня научить! Мой большой папа говорит, что жену нужно лелеять, любить и никогда не обижать! А если муж бросает жену — его топят в реке!

Томатик: ☹☹

Дзюэ добавил, прищурившись:

— Мужчины тоже!

Томатик: ☹☹!!!

— Н-нет, ты мне нравишься! Всё, беру тебя в жёны!

Дзюэ довольно закивал, болтая ножками.

— Ну, а теперь ты должен меня звать как?

Малыш вдохнул поглубже, расправил плечи и на всю округу заголосил:

— ЖЕНА!

Гулкий крик прокатился над садом, дрожащей волной вспугнув воробьёв с ветвей.